

И СНОВА ЛАГЕРЯ

Между тем в лагерях ГУЛАГА медленно тянулась своя, исполненная страданий, политая слезами и кровью, жизнь мучеников. В июле 1933 года закончилось строительство Беломорско-Балтийского канала (ББК). В течение недели с 18 по 25 июля Сталин, Ворошилов и Киров на теплоходе «Анохин» совершили поездку по каналу, ознакомившись с его сооружениями. Общая протяженность ББК от Онежского озера до Белого моря составила 227 км. Здесь было построено 19 шлюзов, 15 плотин, 12 водоспусков, 49 дамб и 33 искусственных канала. Всего за 20 месяцев трудами крестьян, интеллигенции и духовенства было выработано 21 миллион кубометров земляных и скальных пород, 390 тысяч бетонных и 921 тысяча ражевых. Так была обеспечена водная связь между Балтийским морем и советским севером для непосредственного приступа к природным

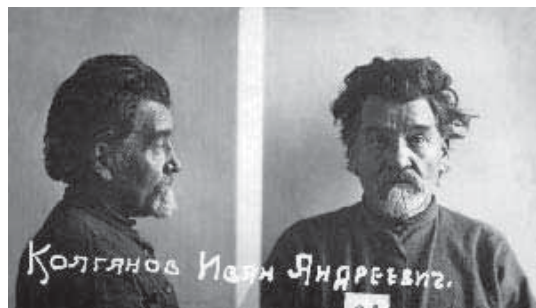
Строительство Беломорканала

Одно из кладбищ Беломорканала

ресурсам. Но, в первую очередь, канал представлял собой огромное водное кладбище, на котором костями легли тысячи и тысячи православных христиан, осужденных по 58 статье (антисоветская агитация). Из этого числа «тружеников моря» после окончания работ лишь 500 человек были восстановлены в гражданских правах. За геноцид русского народа руководители Беломорстроя Ягода, Коган, Берман, Фирин, Раппопорт, Френкель, Вержбицкий, Берензон получили правительственные награды. На карте СССР появилась еще одна голубая змейка – Беломорская голгофа.

В 1930 году в селе Баклуши Аркадакского района Саратовской области на глазах у детей был арестован бывший священник Иоанн Андреевич Колганов. Отец Иоанн родился в 1879 году в

*Священник
Иоанн Андреевич Колганов*

селе Алексеевка Керенского уезда. После окончания Пензенской духовной семинарии и до 1924 года о. Иоанн служил в селе Болотниково Мокшанского уезда Пензенской губернии. Это был идеал сельского пастыря, человек редкого смирения, бесребреник, отец семейства. Глумление советской власти он ис-

пытал уже в первые послереволюционные годы, а в 1930 году был арестован вторично и отправлен в неизвестность на долгие 10 лет.

О том, что о. Иоанн находился на постройке Беломорканала, семья узнала, когда отец вернулся в Пензу. Батюшку освободили в конце 30-х за ударную работу. 8–9 лет лагерной жизни превратили его в больного старика, о чем говорит последняя фотография. Иоанн Андреевич не любил вспоминать годы, проведенные в лагерях. Рассказывал только, что жили в бараках, кормили их кое-как, Беломорканал строили вручную, лопатами. После возвращения в Пензу батюшка был вынужден скрываться, посещал Митрофановскую церковь как обычный прихожанин. В 1940 году он был вновь арестован и, по мнению родственников, расстрелян в том же году в Пензе. Много об о. Иоанне нам рассказала его дочь Нина Ивановна и, когда она вспоминала события давно минувших дней, по ее щекам катились слезы.

Восхождение на голгофу продолжалось. Наступало время сильнейших гонений на Церковь, когда христианам приходилось даже до смерти подвизаться, но стоять в вере. Один неизвестный по имени свидетель, оказавшийся в июле 1933 года в составе экспедиции вблизи Кочугских лагерей под Иркутском, рассказал о массовом расстреле священников в тех местах. Этот рассказ имеет большую ценность, и мы приводим его полностью.

«Наша экспедиционная партия остановилась на несколько дней, причем недалеко от концентрационного лагеря, которые в то время назывались «фалангами». В том районе была более подходящая почва для сельского хозяйства, на схеме был уже обозначен совхоз. Погода стояла хорошая, и после ужина мы сидели до

поздней ночи у костра. Мы часто слышали какие-то крики, которые эхом раздавались по тайге. Для нас было неизвестно, что это за крики. Наш сладкий утренний сон был нарушен каким-то унылым человеческим стоном. Все мы быстро поднялись. Начальник экспедиционной партии, уроженец города Иркутска, быстро взял в руки бинокль, другие установили два нивелира, и мы, берясь

за работу, стали всматриваться в движущуюся по направлению к нам толпу. Из-за кустарника трудно было понять в чем дело.

Шли шестьдесят человек заключенных. По мере их приближения мы могли хорошо разглядеть, что все они были истощены от недоедания и от непосильного физического труда. Что же видели? У каждого из них веревка через плечо, и они тянут сани. В июле месяце – сани! А на санях стояла бочка с человеческими испражнениями. Уже готова была яма для этих шестидесяти. Политрук предложил нам зайти в палатки, и мы зашли в палатки. Шестьдесят мучеников – это были священнослужители. В июльское тихое утро мы отчетливо слышали многих священников, их слабые голоса доходили до нас. Из числа палачей кто-то спрашивал по очереди становившихся около ямы священников: «Вы последний свой путь совершаете. Говори – есть Бог или нет?». Ответ святых мучеников был твердый и уверенный: «Да, есть Бог!». Раздался первый выстрел. У нас, сидящих в палатках, сердца бились. Раздался второй, третий выстрелы и так далее. Священников по очереди подводили к яме. Стоявшие около ямы палачи каждого священника спрашивали, есть ли Бог. Ответ был один: «Да, есть Бог». Мы, живые свидетели, видели своими глазами, слышали своими ушами, как люди перед смертью исповедовали веру в Бога»¹⁴⁴.